

ЮБИЛЕЙ М. ГОРЬКОГО—

ТВОРЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сорок лет назад двадцатитрехлетний рабочий тифлисских жел.-дор. матерских Алексей Максимович Пешков начал жить в качестве писателя Максима Горького. Было время черной реакции, неистовство церкви и полицейского произвола, время бредовых исканий Льва Толстого и сумеречных настроений Чехова. Русская литература готовилась к бегству в экзотику, в религиозную мистику, замыкалась в безыдейном пессимизме, оставляя пустой трибуну проповеди социальных исканий.

Голос молодого Горького окликнул бегущую и вернул ее к жизни, к людям, ожидающим борьбы и верящим в нее. В литературу вошел новый герой, но не беспомощный и жалкий Антон Горемыка, над судьбой которого лицемерно плакала даже старая буржуазная Россия, а Макар Чудра с товарищами.

Люди, которых показал Горький, были совершенно неожиданными. Таких героев не знала до Горького русская литература, привыкшая к Печорину, Обломовым, Манюновым, к героям законченно рабской российской жизни.

А Горький привел с собой Тасек, Буславых—людей неукротимой злобы и силы и крайнего презрения к старому порядку. Они пугали всеобщественную Россию—эти люди, готовые поджечь и по своему перекроить мир.

Со времени появления первого рассказа Горького («Макар Чудра») прошло сорок лет—целый век в истории русского пролетариата, и за все эти сорок лет не умолкал голос писателя, еще до революции ставшего по характеристике Ленина—пролетарским художником, и не устал звать к преодолению старого порядка во имя гордого свободного человека.

Сорокалетний юбилей М. Горького—творческий праздник нашей литературы. В этот день, в непосредственной связи с именем Горького, каждый из нас может вспомнить—сквозь годы зрелости, молодости и детства—чередой радостей и печалей русской жизни. Революционные искания накануне 1905 года, кровавое 9 января, настроения и философские поиски социал-демократической эмиграции за рубежом в эпоху «Искры» и «Звезды», организация левой интеллигенции вокруг альманахов из-ва «Знание», антимилитаристическая работа в «Летописи», затем, вскоре после октября 1917 года, исторически незабываемая деятельность в среде ученых и писателей. Эпоха расцвета молодого художественного театра связана с его именем в неменьшей мере, чем с именем Чехова, а будущая история пролетарской литературы начнет свое исследование с его писем к начинающим писателям, для которых он являлся и до сих пор является единоличным «бюро» творческой консультации.

Для советского писателя день сорокалетнего юбилея М. Горького является творческим праздником еще и потому, что в жизни Горького отражены все оттенки борьбы художественного революционного реализма с иными творческими течениями, представлявшими чужеклассовые влияния. Его творчество занимает место у истока революционного реализма, который надолго останется для нас ведущей линией в литературе. Оглядывая сорокалетний путь Горького, гордо и радостно чувствовать себя писателем. Как ни на ком другом, на Горьком сказывается чье-то старое изречение, что талант—это событие. Вся жизнь Горького была не процессом, а громадным событием в истории русского революционного самосознания. Он первый в эпоху единственный предста-

витель нового типа писателя, писателя-организатора масс вокруг искусства и искусства для широких трудящихся масс.

Если мы снова вернемся к его первоначальной работе, то должны будем сказать, что за все последние сорок лет не было решительно ни одного культурного начинания, расчитанного на массовость, в котором Горький не играл бы роли начинателя, толкача, агитатора. А из числа последних по времени начинаний: «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Жизнь замечательных людей», «Библиотека поэтов», «Молодой человек XIX столетия», задуманное издание «Одного для всего мира», журнала «Наши достижения» и «За рубежом», журнал для начинающих писателей «Литучеба»—все эти большие разносторонние дела органически связаны с Горьким.

Гордо и радостно быть писателем, когда оглядываешь тяжелый, прекрасный, запомненный борьбой за нового человека путь Горького.

Я не знаю другого писателя, который бы трогал меня сильнее, чем он, и в ряду наших величайших художников слова Горький—самый родной, самый близкий. С ним связана вся жизнь. Первая книжка моего детства, мои «Бовы-королевичи», которые я прочел, поднаторев в грамоте, были его рассказами и хищный Челкаш, вместе с трогательно-мужественной Мальвой («Мальва»), Варенькой Олесовой («Варенька Олесова»), Кувалдой («Бывшие люди»), Сатиным («На дне») и другими, стали героями, в которых я играл, как другое поколение ребят играло в индейцев, Купера и охотников Майн-Рида. И оттого, что не только я, но все мы, все наше поколение вдохновенно переняло героев М. Горького в детстве и перестрадало в молодости, влияние его на нас велико до такой степени, что мы его не ощущаем. Оно как воздух, который замечается только тогда, когда его не хватает.

Перечитайте его замечательные «Мои университеты», эту героическую хронику роста молодого выжившего из народа, его борьбу за овладение культурой в условиях пьяного полицейского государства, перечитайте книги его удивительных по простоте и серьезности очерков «По Руси», его «Форму Гордеева», «Дело Артамоновых», «Мать», «Жизнь Клим Самгина», книгу воспоминаний о писателях—и какая просторная картина эпохи развернется перед вами. Какая разнообразнейшая галерея типов дореволюционной России пройдет перед глазами.

Такие персонажи горьковских произведений, как Петунников («Бывшие люди»), Кувалда («Бывшие люди»), Сатин и Лука («На дне»), Накита («Дело Артамоновых»), Евсей («Жизнь нужного человека»), Клима Самгина («Жизнь Клим Самгина») и др. стали классически законченными типами, подобно типам Гоголя и Толстого.

Влияние Горького—повторяю я—на нашу литературу, на наших писателей глубоко. Мы переживаем сейчас горьковский период нашей литературы потому, что мы все пошли от Горького, все, что есть у нас живого и способного расти, ведет начало от него, хотя и не все могут найти в своем творчестве следы его непосредственного, явного влияния. Линия Горького в русской литературе, противопоставляющая себя реакционной линии Толстого, упадочничеству декадентов, аполитизму символистов, стихийничеству целого ряда первых попутчиков революции, стала стержневой линией советской литературы.

Задолго до революции, после того, как Горький от рассказов о бродягах,

мечтателях и неустоенных людях перешел к романам, разоблачающим социальную философию жизни русской интеллигенции,—буржуазная критика постоянно провозгласила «конец Горького». Две вещи погубили писателя Горького,—писал философ—успех и наивный непродуманный социализм. А критик Ю. Эйхенвальд, подкармливавшийся на кухне символистов, заявлял: «Весь он (Горький) в общей совокупности своего литературного дела рисует нам как явление глубоко некультурное». На протяжении сорока лет буржуазные писатели никогда не оставляли Горького в покое.

Конечно, искусство Горького—не было их искусством, наоборот, искусство Горького несло в себе смерть тем идейным установлениям, за которые сражались все эти Мережковские Гиппиусы, Куприны и даже Бунины—писатели очень различных литературных направлений и очень родственной социальной направленности, писатели—бары, избранники, жрецы, для которых Горький был не только неприятен, но страшен, неправдоподобен, недопустим.

Травля буржуазной сволочи, не ослабевая с годами, усилилась после революции—в годы особенно развернутой публицистической деятельности Горького, направленной в защиту Советской Страны от клеветы и лжи безлозыгранных всех мастей и оттенков. А Горький, не уставая давать отпор, ведь лжецам и пакостникам из враждебного лагеря, отъезжая на каждое культурное начинание внутри нашего Союза, непрерывно ведя переписку с молодыми писателями и редактируя десятки журналов, Горький, чей копей был установлен еще добрых двадцать лет назад, писал «Жизнь Клим Самгина»—жестоким обвинительным приговором старой интеллигенции.

В «Жизни Клим Самгина»—писал один из наших критиков, не упоминается ни Рамзин, ни Сухаянов, но этот роман—материал обвинения к профессору «Промпартии» и меньшевикам. Больше того, это—художественная история русского философского самосознания за сорок лет, почти за полвека, это произведение из числа таких, которых набирается один—два на целое столетие, да и то в особо счастливые эпохи. По своему размаху оно конечно гениально «Человеческой комедии» Бальзака, и если задуматься над тем, мог ли кто-нибудь другой из современников проделать ту же работу—то станет ясно, что именно Горький должен был взяться за нее, как за совершенно естественное дело своей творческой жизни.

В русской литературе, богатой гениальными людьми и сильными характерами, личность Горького занимает место в первом десятке людей, имена которых становятся характеристикой человеческих качеств и перестают уже быть именами собственными, но нарицательно и обратно переходят в действительность.

В. ПАВЛЕНКО.